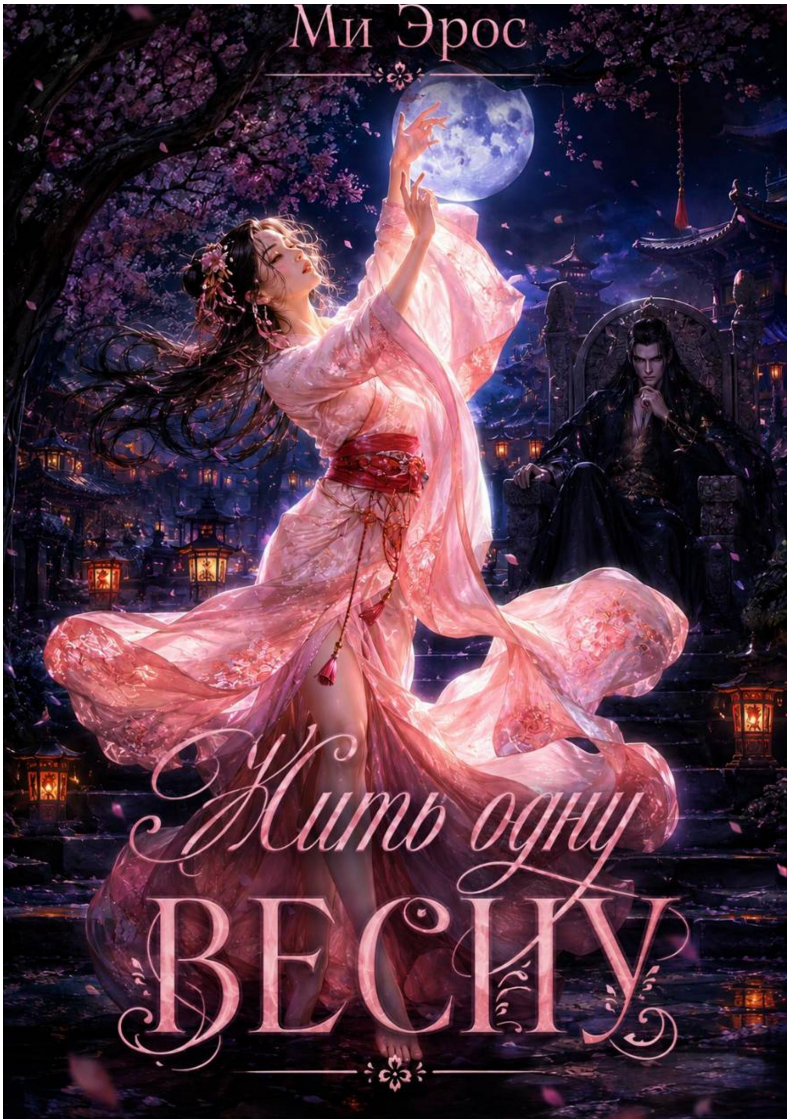

Ми Эрос

Жить одну
ВЕСНУ

Ми Эрос

Жить одну весну

<https://litres.ru/74305493>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бохо готова на всё, чтобы спасти младшую сестру. Даже на сделку с бессмертным ёкаем Ойри, который не чувствует ничего уже два столетия. Цена высока: три месяца жизни Бохо, каждая эмоция которой станет пищей для его пустоты. Если она проиграет — навсегда останется такой же пустой, как он. Но никто не предполагал, что среди боли, страха и надежды родится чувство, способное растопить лёд даже в окаменевшем сердце. И когда срок сделки истечёт, Бохо поймёт: вернуться домой легко. А вот уйти от него — невозможно.

Ми Эрос

Жить одну весну

Глава 1. Цена жизни

Ночь стояла тихая и воздух был прозрачным, как тонкий шёлк. Луна висела над горами, не смея пролить лишний свет на землю, будто понимала, что этой ночью свершится что-то важное.

Бохо выскользнула из дома бесшумно, как тень. Босые ступни ступали по холодной траве, а сердце колотилось так сильно, что казалось, оно разбудит всех соседей. Она остановилась у порога, обернулась на дом, где спали её родные.

Там, в маленькой комнатке с бумажными стенами, лежала Минко.

Сестрёнка родилась десять лет назад, когда семья Бохо уже перестала верить в чудеса. Она была не просто долгожданным ребенком, а лучом, пробившимся сквозь тучи. Её смех звенел, как серебряные колокольчики, которые вешали на свадьбах. Её улыбка согревала холодными вечерами. Мать называла её «моя маленькая весна», потому что в день рождения Минко впервые за много лет снег начал таять.

Отец, всегда такой сдержанный, с Минко становился мягче воска. А мать Бохо, которая растила старшую дочь в строгости, — готова была на всё ради младшей.

Бохо не испытывала ревности. Она сама любила Минко до безумия. Каждое утро она заплетала сестрёнке косички, на ночь рассказывала сказки. И когда девочка, запыхавшись, бежала к ней с букетом полевых цветов, Бохо чувствовала, что это и есть счастье.

Но неделю назад всё рухнуло.

Минко слегла на второй день после своего дня рождения. Сначала думали — простуда. Потом решили, что всему виной злой дух. Но и старики-лекари, и даже шаман из соседней деревни только разводили руками. Отец носил Минко на руках в храм, и о её здоровье молился до кровавых колен. Старый монах, посмотрел на девочку и покачал головой:

— Её энергия угасает, как свеча на ветру. Великий дух дал этому ребенку мало жизненных сил. Осталось не больше месяца.

Мать рыдала в подушку. Отец с того самого дня говорил просто сидел у кровати Минко, держал её маленькую ладошку и смотрел в одну точку. Бохо видела, как из сестры мед-

ленно утекает жизнь, и чувствовала, что сходит с ума.

Она не могла спать. Не могла есть. Она смотрела на Минко и отчётливо ощущала, как внутри неё что-то ломается.

И тогда она вспомнила.

В монастыре, где старый монах шёпотом рассказывал о великих духах, она слышала имя. Ойри. Великий ёкай, который живёт на горе, в заброшенном храме. Говорили, что он могущественнее любого божества, но сердце его окаменело за двести лет. Он не чувствовал ничего — ни радости, ни боли, ни даже любви и сострадания. Он жил в пустоте и не видел смысла помогать смертным.

Но Бохо решилась. Если есть хоть один шанс спасти сестру — она попытается.

Девушка надела свой лучший наряд — шёлковое кимоно нежно-персикового цвета, которое мать сшила ей к совершеннолетию. Она заплела волосы, украсила их гребнем с цветами. Бохо хотела быть достойной предстать перед великим духом.

Кинжал она взяла не для защиты. Она знала: ёкаи уважают смелость. И если понадобится, она отдаст свою кровь ра-

ди сестры.

Лес на горе был тёмным. Ветви деревьев цеплялись за кимоно, корни пытались подставить подножку. Но Бохо шла. Она дрожала от холода, от страха и осознания, что назад пути уже нет.

Она почти бежала, когда перед ней вырос храм.

Он был старым, но не выглядел разрушенным. Колонны из чёрного дерева, резные ставни с изображением драконов, серебряные колокольчики, которые не издавали ни звука — будто время застыло внутри этого места. Луна освещала каменную дорожку, которая вела к главным воротам.

Бохо переступила порог.

Внутри храма было сумрачно. Свечи не горели, но бледный свет струился из-под купола. В центре зала стоял высокий трон, вырезанный из чёрного обсидиана и покрытыми странными рунами.

На троне сидел он.

Ойри.

Бохо никогда не видела ёкаев, но она знала, что они красивы. Этот же выглядел как статуя. Длинные чёрные волосы струились по плечам, кожа отливала фарфоровой белизной, глаза были похожи на тёмную воду глубокого озера — холодные, бездонные и пустые. Ни единого проблеска чувства.

На нём была одежда тёмно-вишнёвого цвета, расшитая золотом. Ёкай сидел смотрел на Бохо сверху вниз — как кошка смотрит на муравья.

— Зачем ты пришла, смертная? — его голос звучал как шёпот ледяного ветра.

Бохо упала на колени. Голова была опущена, руки дрожали, но она заставила себя говорить:

— Великий ёкай... У меня есть сестра. Её имя Минко. Она больна, и ей осталось жить всего месяц. Я пришла просить исцеления для неё.

Ойри не шевельнулся.

— Мне нет дела до твоей сестры.

Бохо вскинула голову. Глаза горели.

— Минко... Она такая весёлая, великий ёкай. Её смех звенит как колокольчики на ветру. Она любит бегать босиком по росе и собирать цветы. Каждую ночь она просит расска-

затянуть сказку о звёздах. Она просыпается с улыбкой, даже когда ей плохо. Мы все любим её так, что сердце разрывается.

— Любите? — перебил Ойри. В его голосе проскользнула едва заметная насмешка. — Я бы помог тебе, смертная, если бы помнил, что значит любить. Или радоваться. Да что там, хотя бы страдать. Только я не чувствую ничего уже двести лет. Совершенно ничего. Мое тело — пустой сосуд, в котором давно нет ни капли жизни. Поэирму не трать свои силы понапрасну.

Бохо смотрела на него, и внутри неё что-то перевернулось.

Он был так равнодушен. Сидит на своём троне, бессмертный и холодный, и говорит о пустоте, упиваясь своим могуществом. А её сестра умирает на глазах у близких.

Гнев поднялся в груди такой силы, что слова вырвались сами собой.

— Я ненавижу тебя! — закричала Бохо, и голос её звенел под сводами храма. — Ты бессмертный трус! Не можешь найти в себе силы на одно маленькое благородное дело, а это — целая жизнь! Моя сестра никогда не вырастет! Она не встретит свою любовь, не увидит мира, не узнает, что такое счастье! Мама будет плакать до конца своих дней, отец никогда не улыбнётся, а я... — она задыхалась от слёз, голос сорвался на шёпот. — А я буду знать, что могла достучаться

до тебя, но не смогла. Я ненавижу тебя всем сердцем, ёкай.

Она упала на колени и зарыдала.

Слёзы катились по её щекам, падали на каменный пол. Она не видела, как Ойри медленно поднялся с трона. Его шаги были беззвучными, но она почувствовала, что он приближается.

Мужчина остановился перед ней. Смотрел долго. Так долго, что Бохо перестала всхлипывать и подняла голову.

Она увидела его лицо вблизи. В нём не было гнева.

— Ты плачешь, — сказал он тихо. — Ты смеешься. Злишься. Ненавидишь. У тебя внутри целый мир, который ты совершенно не способна оценить.

Он склонил голову набок, разглядывая её, как диковинную вещь.

— Что, если я скажу, что есть способ помочь твоей сестре?

Бохо замерла.

— Я дам ей три года жизни. Три года, чтобы она росла, смеялась и видела мир. В обмен на три месяца твоей жизни.

Он сел на корточки, оказавшись с ней на одном уровне.

Его глаза впивались в её глаза, как шипы.

— Мы будем связаны, Бохо. Каждое твоё чувство — боль, радость, отчаяние, надежда, любовь — я буду чувствовать так же остро, как ты. Если за три месяца ты подаришь мне достаточно эмоций — настоящих, живых, не притворных, — я отпущу тебя. Ты вернёшься в свою семью, и три года твоя сестра будет жить.

Он замолчал. А затем его голос стал тихим и страшным.

— Если же ты проиграешь — я выпью твои чувства до дна. Ты станешь пустой. Такой же, как я сейчас. И будешь жить в этой пустоте вечно.

Бохо сглотнула. Сердце колотилось, как бешеное. Она смотрела на него — на этого страшного, прекрасного ёкая.

— Я согласна.

— Подумай, смертная, — сказал он, и в его голосе проскользнула первая эмоция за двести лет — удивление. — Сделки с бессмертными никогда не сулят добра. Ты, скорее всего, проиграешь.

— Я согласна, — повторила она, твёрже, чем чувствовала на самом деле.

Ойри ухмыльнулся. Впервые его лицо перестало быть маской.

— У тебя есть три дня, Бохо. Побудь с семьёй. Проведи

время с сестрой. Напитайся чувствами, запомни каждую секунду. А потом ты вернёшься сюда. И не опаздывай, иначе нарушишь сделку.

Он протянул руку и медленно провел пальцами по её подбородку. Лёгкое прикосновение обожгло кожу.

— Ты маленькая, и такая смешная, смертная. И первая за двести лет, кто посмел меня ненавидеть. А потому не исключаю, что ты подаришь мне нечто большее.

Бохо поднялась на ноги. Ноги дрожали, но она удержалась.

— Не опаздывай, — повторил Ойри, садясь обратно на трон.

Она не обернулась, когда выбегала из храма.

Ночь встретила её холодом и тишиной. Луна освещала дорогу, и Бохо бежала быстрее ветра. В груди разгорался огонёк надежды.

Она вернётся и сделает всё, чтобы он вспомнил, каково это быть живым.

Глава 2. Танец на острие

Бохо боялась опоздать. Она пришла к храму затемно, когда небо только начинало окрашиваться в лиловые тона, а первые звёзды робко проступали сквозь дымку. Три дня дома пролетели как один миг, но она успела надышаться каждым мгновением. До сих пор девушка будто слышала смех Минко. И теперь, когда её голова была полна приятных воспоминаний, она несла их как драгоценный груз.

Ойри был в саду перед храмом.

Ёкай сидел под старым деревом сливы, прислонившись спиной к шершавому стволу. Глаза его были закрыты, лицо неподвижно — казалось, он не дышит вовсе. Выглядел, будто статуя из бледного мрамора. Ветви дерева нависали над ним, усыпанные мелкими белыми цветами, которые в темноте светились, как россыпь звёзд.

Но стоило Бохо приблизиться, как Ойри распахнул глаза.

Она почувствовала это мгновенно, их общая нить, натянулась и дрогнула. Он уловил её трепет, будто слышал колотящееся сердце и чувствовал дыхание, сбившееся от волнения. Его взгляд впился в неё, холодный и цепкий, но в глубине мелькнуло любопытство.

Бохо опустила ресницы, пряча глаза. Она не хотела, что-

бы он видел её неприкрытый интерес, её странное, почти запретное восхищение. Но украдкой продолжала изучать его — точеные скулы, длинные пальцы, белые как кость, и эту нечеловеческую красоту, от которой невозможно было отвести взгляд.

— Расскажи, что ты сейчас чувствуешь? — голос Ойри прозвучал ровно, почти скупающе, но она знала — он уже чувствует её дрожь.

— Моё сердце трепещет, — призналась Бохо, и голос её дрогнул. — Я не знаю, что ждёт меня впереди. И очень волнуюсь.

— Понимаю, — кивнул он, и в его тоне не было насмешки. — А ещё что-то? Такое... тёплое. Лёгкое, как касание пёрышка.

Бохо улыбнулась, едва заметно, скорее уголками губ.

— Это благодарность. Я провела эти дни с семьёй. Минко полна сил, она смеялась и бегала, мама и папа плакали, но то были слёзы счастья. Я видела, как жизнь возвращается в наш дом.

Ойри закрыл свои глаза на мгновение, словно пробуя это чувство на вкус.

— Приятное ощущение, — признал он. — Но такое слабое. Твой трепет, когда ты только подошла, был намного острее. А сейчас — уходит. Как вода сквозь пальцы.

Он вздохнул, и этот вздох звучал слегка разочарованно.

Бохо поняла: мимолётные чувства, её страх и благодарность — для него слишком легкая пища. Он голоден по чему-то иному, по тому, что способно заполнить его пустоту целиком. И она вдруг осознала: насытить его будет куда сложнее, чем она думала.

— Где я буду спать? — спросила она, меняя тему, чтобы собраться с мыслями. — И что буду есть? Я человек, мне нужен сон и пища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.